БЕЛАРУСКІ КАЛЕГІЮМ
Belarusian Collegium

HOMO HISTORICUS 2016

The Annual of Anthropological History

Edited by Aliaksandr Smalianchuk,
Doctor in History

БЕЛАРУСКІ КАЛЕГІЮМ
Беларускі калегіум

HOMO HISTORICUS 2016

Гадавік антрапалагічнай гісторыі

Пад рэдакцыяй
доктара гістарычных навук Аляксандра Смаленчука

ISSN 2424-5216
ISSN 2424-5224 (Online)

Рэдактар
доктар гістарычных навук Аляксандр Смалянчук

Рэцэнзенты:
доктар гістарычных навук Захар Шыбека, Універсітэт у Тэль-Авіве;
доктар Рымантас Мікніс, Інстытут гісторыі Літвы (Вільня);
доктар гістарычных навук Аляксандр Краўцэвіч, Варшаўскі ўніверсітэт;
доктар хабілітаваны Ганна Энгелькінг, Інстытут славістыкі
Польскай акадэміі навук (Варшава)

Homo Historicus 2016. Гадавік антрапалагічнай гісторыі / пад. рэд. Аляксандра Смаленчука. – Вільня: Беларускі калегіум, 2016. – 222 с.

Homo Historicus 2016 працягвае традыцыі трох першых тамоў (2008, 2009 і 2012 гг.) з іх арыентацыяй на пашырэнне антрапалагічнага стылю мыслення ў аналізе мінулага. Большасць апублікаваных матэрыялаў датычыць феномену памяці ў самым шырокім яго разуменні.

ISSN 2424-5216
ISSN 2424-5224 (Online)

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ФРАНЦУЗСКИХ ОФИЦЕРОВ[1]

Людмила Слуцкая
канд. ист. наук (Минск)

Summary

The article analyses the memoirs and diaries of French military mission members – Jules Legras and Pierre Pascal – and tells about the Russian Empire's Western front and the military actions on the modern Belarus territory during the first years of World War I. The Western front was not only one of the most important theaters of war but also served as a cover of the strategic direction Smolensk-Moscow.

One of the most important sources on this subject are the diaries and memoirs of the French officers, who had been with the special mission in Russia during World War I. Their ego-documents reveal new facets of seemingly already well-known events and personalities. Memoirs of J. Legras and P. Pascal are an invaluable source because they reflect the attitude of French officers from inside the Russian Empire's military affairs. These memoirs contain not only the detailed and unique characteristics of Russian Empire's military chiefs and front-line's day-to-day routine, but they also convey the mood of locals and soldiers, the spirit of the highest military officers and the description of Belarusian cities which were involved in the war. The French officers paid special attention to the Supreme Headquarters, located in Mahilioŭ from the end of 1915, to the detailed characteristics of the Military Chiefs and to the description of the life of ordinary soldiers; they also reflected in detail the activity of corps headquarters and the main

military operations of the Russian army, as well as the role some of the Russian chiefs played in these actions.

Белорусские земли, находясь между Западом и Востоком, между Балтийским и Черным морями, зачастую становились ареной активных военных действий во время крупнейших геополитических конфликтов. Первая мировая война не стала исключением. Западный фронт Российской империи, находившийся на территории современной Беларуси во время Великой войны, был не только одним из важнейших театров военных действий, но и служил для прикрытия стратегического направления на Смоленск и Москву. Даже в период революционных потрясений этот фронт продолжал существовать, и положение на нем имело первостепенное значение для исторических судеб государств, втянутых в этот конфликт.

В последнее время интерес к истории военных действий на Западном фронте Российской империи в годы Первой мировой войны неуклонно растет. Особое внимание проблеме боевых операций и событиям на оккупированных территориях уделяют белорусские историки Вячеслав Бондаренко[2], Анатолий Грицкевич[3], Михаил Цуба[4]. Отдельные аспекты этой проблематики нашли отражение в работах Максима Оськина[5], Андрея Павлова[6], в сборниках научных исследований, посвященных мировым конфликтам[7].

Восточному фронту Первой мировой войны посвящено достаточно большое количество мемуаров, воспоминаний, дневниковых записей в первую очередь российских военачальников, полководцев и офицеров[8], однако особый интерес всегда вызывает взгляд иностранных очевидцев и участников военных действий, их «образ другого». До сих пор значительная часть таких источников не вовлечена в научный оборот, несмотря на то, что эти эго-документы не только проливают дополнительный свет на события того времени, но и позволяют раскрыть новые грани, казалось бы, уже хорошо известных событий.

В этой связи ценными источниками являются дневниковые записи представителей французской военной миссии[9] – Жюля Легра и Пьера Паскаля. Они свидетельствуют о восприятии французами событий на фронтах Российской империи, в том числе на Западном фронте. Следует отметить, что, в отличие от немцев, которые отделяли белорусов от русских, французы не делали таких различий, что нашло отражение и в текстах воспоминаний.

Французский профессор-славист Жюль Легра (1866–1939)[10] прибыл в Российскую империю в феврале 1916 г. по заданию отдела службы военной пропаганды при II отделе Генштаба Министерства обороны Франции[11]. В со-

став данного отдела входила разрабатывающая планы пропаганды т. н. «Комиссия по русским вопросам» во главе с директором Института восточных языков и одним из основателей Французского института в Санкт-Петербурге (1911) Полем Буайе.

Выбор Жюля Легра не был случайным. Еще в конце XIX в. он неоднократно ездил в Сибирь с особыми поручениями Министерства народного просвещения и прекрасно знал русский язык. Легра не только должен был демонстрировать российским союзникам военную мощь своего государства, но и ознакомить "русский фронт" с деятельностью и усилиями Франции на начальном этапе войны, а также убедить российскую сторону во всяческой поддержке с французской стороны.

Сам Ж. Легра следующим образом описывал свою отправку на восточный фронт: «*Цель моего путешествия в Россию – пропаганда. Наши русские союзники были изображены как склонные к отчаянию, и мы надеялись им немного помочь. Моей скромной персоне предстояло разъяснять во многих городах, что происходило у нас в самом начале войны, с какими огромными трудностями мы столкнулись и как мы теперь действуем, ускоряя производство орудий и боеприпасов. С этой целью я прочту серию лекций на русском языке при поддержке и в пользу местного Красного Креста*»[12].

Хронологически дневники Ж. Легра, изданные им в виде книги в 1921 г., охватывают период со времени его приезда в Россию 20 февраля 1916 г. и до весны 1918 г., когда он был отозван во Францию. В его мемуарах война предстает во всем ее многообразии: яркие картины повседневной жизни российской армии, в том числе Ставки Верховного Главнокомандующего, характеристики военачальников, описание быта российской армии, рассуждения о деятельности корпусных штабов, о важнейших операциях союзников и роли в них отдельных военачальников.

Первые записи повествуют о прибытии в Петроград, отъезд на Западный фронт Российской империи, в Ставку Верховного Главнокомандующего и задачах, которые были возложены на француза. «*Разрешение выступать на фронте было мне предоставлено на заседании, на котором меня не критиковали, не подвергали цензуре,* – отмечал Легра. – *Было решено, что я выступлю в Штабе Западного фронта, затем в 4-й и в 3-й армии, после чего я вернусь в Ставку, чтобы выступить там перед императором, если получу на это разрешение*»[13].

Военный цензор в Ставке Верховного Главнокомандующего Михаил Лемке в своем дневнике 5 января 1916 г. следующим образом характеризовал одно из первых выступлений француза: «*Вечером французский профессор*

Жюль Легра читал сообщение «Вооруженная Франция» – о том, что сделала наша союзница для борьбы с немцами; любопытно, что за 1 ½ года она увеличила производство ружей в 157 раз, пулеметов – в 63 раза и т. д. [...] В общем, сообщение было полезно для нашего штаба, который все еще даже и сейчас, после 70 дней Вердена, думает, что войну ведет только Россия. Время сообщения было ограничено благодаря присутствию царя 45 минутами. Были почти все офицеры не только нашего управления, но всего штаба. Французское правительство командировало Легра для ознакомления России со всем тем, что сделала и делает Франция для войны. Отсюда он едет на фронты»[14].

Первое выступление в Штабе Западного фронта, находившемся в Минске, состоялось 8 апреля 1916 г., о чем Легра сделал запись в дневнике: *«Этим утром я провел в офицерской столовой Штаба свою первую пропаганду среди русских. Зал был полон на 2/3 и включал около 250 офицеров во главе с генералом <Алексеем Ермолаевичем> Эвертом первого ранга. Ничего нет более приятного, чем выступать перед русской публикой: она слушает вас с неослабевающим вниманием […]. Выступление закончилось, аплодисменты стихли, генерал Эверт поблагодарил меня и попросил всех прокричать "ура" в мою честь. Это первый опыт, очень неплохо прошедший»*[15].

Далее последовали выступления в 4-й и 3-й армии, которые оставили у него благоприятное впечатление. Так, описывая выступление в Штабе 4-й армии, который находился в помещичьем имении Чапских в местечке Станьково, недалеко от Минска, Легра писал, что после выступления его ожидал приятный сюрприз: *«меня приехал увидеть генерал Владимир Драгомиров*[16]*, который пожал мне руку и его глаза наполнились слезами […] Я чувствовал в этих непроизвольных слезах, что мое изложение темы попало в точку»*[17].

Значительное внимание в записях Легра уделено Ставке Верховного Главнокомандующего. Он не просто раскрывает ее структуру, но и показывает атмосферу, царившую там. Впервые Легра оказался в Ставке в апреле 1916 г., получив разрешение выступить перед императором, и был приглашен за императорский стол, чтобы лично познакомиться с монархом. Первая встреча произвела на француза достаточно благоприятное впечатление: *«После ужина император подошел к генералу Лагишу, затем повернулся ко мне и спросил меня о теме моего выступления, буду ли я говорить по-русски и не смущает ли меня это. Я ответил, что я привык выступать перед публикой, но его присутствие может привести меня в некоторое волнение.*

– Что ж, – воскликнул он, – я не хочу вас смущать!

– Сир, – ответил я, улыбаясь, – это нечестно!

– Хорошо! Итак, я иду! Сейчас же!

Я изложил эти незначительные детали, чтобы показать робкую и ласковую деликатность монарха»[18].

Однако по мере пребывания в Штабе Западного фронта и в Ставке суждения Легра кардинально меняются, они уже не столь оптимистичны, как были в самом начале. Перемены, происшедшие после переноса Ставки из Барановичей в Могилев, он оценивает негативно: «*Ставка представляет собой нечто вроде Центра распределения свободных ресурсов. Она действует главным образом, улаживая вопросы высшего личного состава, согласно главным требованиям, назначение на которые Император сохраняет за собой, после договоренности с начальником своего Штаба. [...] Ограниченная такого рода действиями, роль Ставки в большей части становится моральной... Ставка, благодаря присутствию Императора, символизирует единство русского народа и русской армии, и в этом смысле, идею, которая подтолкнула Николая II встать во главе своих войск, вести за собой»*[19].

Легра осуждает императора: «*Ему слишком нравится находиться в спокойной обстановке, которая, благодаря своим многочисленным посещениям армий, создает у него иллюзию военной жизни*», и в окружении, которое «*он считает одновременно простым и преданным, он отдыхает от столицы»*[20].

Подобные суждения небезосновательны, поскольку в начале XX в. тактические учения русской армии часто имели постановочно-показательный характер, особенно если они проходили в присутствии монарха. Не обходит вниманием он и других членов императорской семьи. Так, характеризуя управления, которые включает в себя Ставка, француз отмечает: «*Авиация не была представлена в Ставке. Главнокомандующий этой службой, великий князь Александр Михайлович, находится в лучше расположенном, приятном городе Киеве, где он абсолютно сам себе хозяин. Это одна из многочисленных причин, которая тормозит авиационную службу. Но будет ли это достаточной причиной для того, чтобы великий князь принес в жертву свои привилегии?»*[21].

Объехав с пропагандистской миссией все армии Западного и Юго-западного фронтов, Легра приходит к выводу, что условия Российской империи разительно отличаются от Западной Европы: «*Безграничные пространства, огромная численность населения, зачаточное состояние транспортных средств, вооружения, снабжения, санитарной службы и неразвитость средств связи» [...]*[22].

Особого внимания заслуживают страницы, посвященные российским военачальникам. Легра высоко оценивает таких генералов, как П. С. Балуев и В. И. Гурко: «*Генерал Балуев, командующий 5-м корпусом, один из самых видных военных, которого я встретил в моей долгой поездке. Я охотно поместил*

бы его рядом с генералом Гурко»[23]. Про начальника Штаба генерала Алексеева Легра замечает: *«Это достойный человек, наделенный хладнокровием и приветливостью. Его твердый и ясный ум позволяют работать ему со знанием дела, которое так необходимо его русским подчиненным. К тому же он высоко ценит мнения главнокомандующих иностранных миссий при Ставке. Такой характер исключительно полезен в разнородной среде, из которой сформирована Ставка»*[24].

Легра подметил очень важное отличие между офицерами войск и офицерами Штаба, которое особенно заметно в России: *«Дипломированный офицер – это все, офицер войск – ничто, если только не помощь сильных мира сего или исключительная заслуга, которая ни у кого не вызывает подозрений»*[25]. В продолжение этой темы француз отметил отсутствие *«личного взаимодействия сверху вниз между начальством и любым офицером»*[26].

В отдельных записях Легра пускается в рассуждения о просчетах военачальников Западного фронта. Он с нескрываемым недовольством и критикой рассматривает подготовку и проведение Нарочской операции марта 1916 г., закончившейся неудачно, обвиняя в первую очередь командующего Западным фронтом генерала А. Е. Эверта: *«[…] Постоянные приказы и контрприказы накануне атаки; непрерывные колебания о группировании войсковых частей, вмешательство в ход операции. Например, за два дня до наступления поменяли подразделение, которое знало участок, на другое, которое никогда не видело его. Наконец, после неудач, оскорбительные упреки в адрес командиров и генералов, которые ему [Эверту] подчинялись. Изучив эти документы, я ощутил огромную печаль: бездарность генерала Эверта проявилась здесь в этих напыщенных и пустых фразах, его нерешительность, подчеркнутая бесчисленными контрприказами; его непонимание действительности, рассредоточенное в указаниях, когда каждый человек, знавший окопы и материальные средства, которыми располагали немцы, осознавал неосуществимость этой операции»*[27].

Многими мелкими, но довольно любопытными подробностями изобилуют записи француза о белорусских городах, в которых он выступал перед военной публикой: *«Минск – это большой город, но, за исключением довольно красивых центральных улиц, он достаточно неприглядный. […] Улицы предместий, заставленные обозами, увязшими в застывшей грязи, обнаженные мостовые производили впечатление чего-то серого, грязного, унылого, давящего и впечатляющего. […] Слуцк – это маленький древний город, поразительно грязный, но оживленный, насчитывающий 15 тысяч жителей. Большинство населения – евреи. Присутствие Штаба производит огромное оживление. Однако не*

могу утверждать, что население смотрит на этот военный аппарат одобрительно»[28].

На фоне пейзажей и зарисовок о белорусских землях и городах Легра описывает фронтовые будни посещаемых армий. *«Я попросил разрешения у генерала Л. В. Леша, командующего 3 армией,* – отмечал он, – *посетить [...] типичный участок линий его армии [...]. Фронт проходил в 75 км от Слуцка, около маленького вокзала Синявка. Пересекаемый регион обжитый и, кажется, достаточно населенный. [...] Мы посетили несколько блиндажей. Они неглубокие, потому что, как только углубишься, появится вода. Впрочем, продолжив продвижение по линиям, в южном направлении, к Пинску и каналу Огинского, находится еще более заболоченный регион, где невозможно укрыться, где даже мешки с землей оседают и тонут. Блиндажи у нас перед глазами надежные и симпатичные, защищены бревенчатыми покрытиями. Солдаты, которых мы видели, хорошо сложенные мужчины, молодые, казавшиеся жизнерадостными»*[29].

Проезжая в начале марта через Вилейку, Легра был изумлен, увидев поблизости *«одной из “бань по-черному” солдат, которые парились, а затем сушились и одевались на свежем воздухе; они были абсолютно нагие – и это при 4 градусах!...»*[30] – восклицает француз.

Генерал Л. В. Леш предоставил в распоряжение француза автомобиль и тем самым, по словам Легра, избавил его от длительной поездки (около 250 км) по железной дороге. Характерно описание местности, сделанное им в этой поездке: *«Дорога, которой я следовал, соединяла Москву с Брест-Литовском. Я проехал через Бобруйск, маленький еврейско-русский город [...]. На трассе было больше снега, чем в нескольких подлесках. Из Бобруйска в Могилев ехали практически без остановки через красивый хвойно-березовый лес. Бригады дорожных рабочих мужчин и женщин работали, поддерживая эту дорогу в хорошем состоянии. Я почти не видел в других странах пример подобного рвения. Это и есть царские окрестности, о которых мне говорили? Говорят, император часто прогуливается по этой дороге»*[31].

Сильное впечатление произвело на Легра посещение линии фронта, проходившей в Сморгони, куда он добирался пешком вместе с русским офицером из Штаба 64-й дивизии: *«Прекрасная дорога, некогда в хорошем состоянии, с растущими деревьями, теперь пустынна. Тут и там видны воронки, враг следит за ней. Тем не менее в этот утренний час немцы не беспокоят свою артиллерию из-за двух одиноких военных. Они, конечно, видят нас, но, вероятно, им нет до нас дела. Маленький городок Сморгонь разрушен: церкви в руинах; деревянные дома в огне, вплоть до земли. Первая линия русских траншей почти совпадает с северо-восточной границей города. Они оборудованы прочными*

блиндажами, покрытыми крупным брусом, чередующиеся мешками с песком. Траншеи чистые, и в них поддерживается образцовый порядок. За исключением часовых, в этот ранний час все спят. Враг бодрствует, можно не сомневаться, ибо он преследует нас своими пулями»[32].

В записях Легра начала 1917 г. все чаще встречаются мысли о бесполезной и бесчисленной работе в Ставке российского императора, поскольку действия союзников и российских военачальников не скоординированы и все совместные усилия обречены на провал. Зачастую российские офицеры кормили своих иностранных союзников пустыми обещаниями, не предоставляя необходимых сведений. Об этом наглядно свидетельствует следующий пример: *«В Залесье потерял все утро, ожидая лошадей, которые появились у нас спустя 2 часа. Забыли о нас, хотя говорят, что ждали. Мы достигли минометной батареи подполковника Александра Разумовского, но по разным выдуманным причинам, как я считаю, нам сказали, что нет времени совершать облет. День был потерян для нас, но, без сомнений, не для подполковника Разумовского. Этот офицер сказал, что плохо себя чувствует, но когда мы уезжали, на самом деле, он был у прекрасной особы, которая ведала вагоном Пуришкевича в Залесье. К его и нашему великому удивлению, когда мы столкнулись с ним, он привел очень милую особу, чтобы поужинать с ней в вагоне. […] Это свидетельствует о беспорядке, который меня беспокоит»*[33].

После отречения Николая II, *«изгнание»* Легра в Минск, как он сам называл свое пребывание в Штабе Западного фронта, закончилось. Вместе с румынской военной миссией в марте 1917 г. он был отправлен на Северный фронт, откуда в мае 1918 г. вернулся во Францию.

Другим представителем миссии был лейтенант Пьер Паскаль (1890–1983) – выпускник Эколь Нормаль, француз-католик, удостоенный соотечественниками ироничного титула *«христианский большевик»*[34]. После двух ранений, полученных на фронте, в апреле 1916 г. он был направлен в Россию в составе французской военной миссии в качестве сотрудника вспомогательного отдела 2 бюро миссии с конкретной задачей – обеспечивать дипломатическую переписку с Бухарестом. Только в июне 1916 г. де Шевийи, которому МИД поручил заниматься в Петрограде «пропагандой», затребовал лейтенанта себе в помощники.

По свидетельству Пьера Паскаля, миссия, направленная в Россию в 1916 г., была многочисленной по составу: *«Офицеры Штаба и другие кадровые офицеры, артиллеристы, летчики, специалисты службы связи, шифровальщики и т. д., предназначенные делиться опытом, полученным во Франции с русской армией. Несколько мобилизованных гражданских, дешифраторов, деловых*

людей, светских и выполняющих самые разнообразные функции, для поддержания отношений в различных русских кругах должны были писать в газеты и журналы, налаживать французскую пропаганду…»[35]

Следует отметить, что открытой информации о присутствии французской миссии при Ставке не было. В «Правительственном вестнике» регулярно публиковались сведения о других иностранных военных миссиях, как, например, сербской и японской[36]. Судя по всему, французская миссия была секретной, даже Легра в своих мемуарах отмечал: *«[...] Французскую миссию по вооружению игнорировали официально: приказали никогда о ней не говорить и даже не упоминать ее название в прессе, ибо любое упоминание безжалостно вырезалось цензурой»*[37].

Это же подтверждает проживавшая в Могилеве во время войны Марина Белевская: *«Французов я не знала. Они как-то незаметно сидели в своей гостинице, и ни один слух о них не проникал в город. Изредка их представителя, кажется генерала [Мориса] Жанена, можно было видеть на вокзале. Маленький блондин, по внешности напоминающий простого русского крестьянина, так не гармонировавший с представлением о французской нации, он скромно и тихо жил в Ставке»*[38].

В отличие от Жюля Легра, который в первую очередь фиксировал и анализировал события военной жизни, оценивал действия командующих армиями, Паскаль в «Русском дневнике» стремился не просто разобраться в текущих событиях, но и вникнуть в тонкости «русской души», понять Россию и ее народ.

Еще до отправки на Западный фронт Паскаль из Петрограда был направлен в Бухарест с дипломатической миссией. Проезжая через белорусские территории, француз отмечал: *«Вижу окрестности Витебска, потом сам город. На перроне солдаты, старый генерал с детьми, очень грязные и очень скученные офицеры – такое сразу бросается в глаза. Зачуханный солдат с винтовкой за спиной разговаривает с излучающим доброжелательность унтер-офицером жандармерии. Страна контрастов!»*[39]

Прибыв на Западный фронт, П. Паскаль находится при Ставке в Могилеве. Расположившись вместе с другими иностранными атташе в отеле «Бристоль», он выполняет работу дешифровщика. Однажды после беседы за завтраком с полковником 140-го полка он записал в своем дневнике: *«Мы пришли к согласию относительно того, что Франции не хватает людей, Англии – мужества, России – материальных средств»*[40]. Эта мысль красной нитью проходит через все страницы дневника.

Будучи глубоко верующим человеком, в Могилеве он регулярно посещал костел, по его словам, *«возможно, бывшую униатскую церковь»*[41]. *«Вышел ве-*

чером, – писал Паскаль о своем посещении костела в начале января 1917 г., – *[...] и обнаружил польскую церковь освещенной. По дорожке в несколько шагов оказываешься во дворе. Церковь белая, небо ясное и звездное, и через портик между высокими колоннами видно сияние свеч алтаря. Такой вход красив. Шла вечерняя молитва; многочисленные верующие, алтарь, украшенный еще к Рождеству, над ним освещенная картина, изображающая сцену рождения Христа»*[42].

Сравнивая Могилев с Петроградом, он отмечал: *«Да, в Могилеве возникает впечатление, будто ты в католической стране»*, в которой *«нет речи об иностранном культе»*, как в Петрограде[43]. По словам Паскаля, в Могилеве открывается красивый вид на равнину. Сам город *«укреплен по крайней мере земляным валом. За пределами вала, в низине, еврейский квартал с печальными, низкими и темными домами, между которыми, однако, выделяются два или три храма»*[44].

Довольно часто П. Паскаль пускался в рассуждения о «русской душе», отмечая, что у крестьянина нет ненависти к врагу. *«[Робер] Пти, один из членов французской военной миссии,* – писал Паскаль, – *рассказывает, что в одной деревне некто встретил женщину с маслом. Он хотел купить, но она сказала, что оно для австрийских пленных. Он предложил более высокую цену, но она отказалась: «Они несчастные». А многие пленные, особенно славянского происхождения, добившись, чтобы их взяли в семьи, растворились среди населения»*[45]. Следует отметить, что это наблюдение и замечание в данном случае касалось «белорусской души».

В продолжение этой темы француз приводит самооценку русского, которая часто проявляется в разговорах об иных народах: *«У моего товарища Лабри во Французском институте есть служащий, чистопородный русский Алексей, которого мы как-то раз вывели на разговор. Лабри спросил его:*

– Что ты думаешь о поляках? У тебя наверняка есть какое-нибудь мнение.

– Трудно сказать, господин профессор, мы не очень знаем поляков.

– Но все-таки, имеет ли русский о поляках определенное суждение?

– Ну конечно! Господин профессор, это «народ хитрый», а наш народ «простой».

Русский народ считает, что его объедает толпа инородцев, а он оказывается не столь ловок, чтобы им противостоять; он не знает окольных путей, уловок, дебрей судопроизводства, финансового искусства»[46], – констатировал Паскаль.

Рассуждая о Барановичской операции июня 1916 г., француз с сожалением пишет о ее непомерно высокой цене: *«Наступление обошлось очень до-*

рого: Новочеркасский полк потерял под Барановичами пятерых полковников. [...] Наступление под Барановичами стоило 30 тыс.»[47].

По мере приближения революционных событий октября 1917 г. настроения меняются не только в иностранных миссиях, но еще больше в солдатской среде: «*Настроение в войсках плохое, чести не отдают. Однажды полковнику Першене один человек отдал честь. Удивленный, он задал вопрос почему, и тот ответил: «Это допускается по личному мнению»*[48], – отмечал П. Паскаль.

В мае 1917 г. он записал в свой дневник: «*А ведь русский народ – это такой народ мира, который менее всего приемлет принуждение. Военная дисциплина всегда казалась ему дьявольской выдумкой [...]. У русского народа острое чувство трагического характера этой войны, которой он не желает, которая абсурдна, которой не должно желать человечество, не способное из нее выпутаться»*[49].

Усилия союзной пропаганды разбиваются о чрезмерную озлобленность, недоверие к офицерам и нежелание продолжать войну, что отчетливо проявилось в дневниковых записях июля 1917 г. «*В Гомеле собрали дезертиров, формируя «батальон 1-го марта». Их отправили на фронт: 1000 евреев разбежалось, прибыло только 290 русских»*[50]. Еще одна из записей этого периода только подтверждает предыдущую: «*Видел переводчика унтер-офицера Белада [...]. Он побывал в 703-м знаменитом полку [...]. Там всех проезжающих спрашивают: «За или против наступления?» Если за: «Бей его!» У них перегонный аппарат, гонят самогон. В окопах у них женщины. Постоянно ходят в Вильно. Немцы издают там на русском языке газету «Товарищ», она ходит в траншеях с очевидной пометкой: «Отпечатано в Вильно»*[51]. Чем ближе к октябрю, тем очевиднее становится бесполезность пропаганды, осуществляемой французской военной миссией. В июне 1917 г. Пьер Паскаль возвратился в Петроград.

Таким образом, мемуары Жюля Легра и Пьера Паскаля являются ценным источником, поскольку отражают мироощущение иностранных офицеров, оказавшихся на западном театре военных действий Российской империи. Они содержат не только весомые подробности и уникальные характеристики российских военачальников, фронтовых будней, но и передают настроения местного населения, солдатской среды, высших армейских кругов. Немаловажно и то, что в их документальных свидетельствах четко проявилась индивидуальность авторов, которая повлияла на восприятие ими происходивших событий и отразилась в их описаниях белорусских земель.

Примечания

1 Аснову артыкула склаў рэферат, з якім аўтарка выступіла на IV Кангрэсе даследчыкаў Беларусі (Коўна. 3–5 кастрычніка 2014 г.). – заўвага рэд.

2 Бондаренко В. В. Утерянные победы Российской империи. Минск, 2010.

3 Грицкевич А. П. Западный фронт РСФСР. 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. Минск, 2009.

4 Цуба М.В. Першая сусветная вайна на Беларусі ў кантэксце сусветных ваенных падзей (грамадскі і ваенны бакі). 1914–1918. Пінск, 2010.

5 Оськин М. В. Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. Москва, 2011; его же. Проблемы резерва для генерального наступления русской армии в 1917 г. // Вопросы истории. 2011. № 8. С. 144–150.

6 Павлов А. Ю. Скованные одной целью: Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб., 2008.

7 Мировые войны XX века: В 4 кн. / РАН. Ин-т всеобщ. истории и др. Москва, 2002; Образ войн и революций в исторической памяти. Москва, 2009; Беларусь у гады Першай сусветнай вайны: Смаргоншчына: трагедыя, гераізм, памяць: матэр. міжнар. навук.-практыч. канф. (Смаргонь, 18–19 мая 2007). Мінск, 2009; Первая мировая война в истории Беларуси, России и мира. Москва, 2011; Россия и Великая война: Опыт и перспективы роли Первой мировой войны в России и за рубежом. Москва, 2011.

8 Брусилов А. А. Мои воспоминания. Москва, 2001. С. 464; Бубнов А. Д. В царской ставке. Москва, 2008. – Электронный ресурс. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/bubnov_ad/index.html; Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. Москва, 2007; Болеславский Р. Путь улана. Воспоминания польского офицера. 1916–1918. Москва, 2006; Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне, 1914–1915 гг. Берлин, 1924; Деникин А. И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917. Минск, 2003; Врангель П. Н. Записки. Ноябрь 1916 – ноябрь 1920. Т. 1. Минск, 2003.

9 Данилова О. С., Краева Т. В. Французская военная миссия в России (1916–1919) и воспоминания ее сотрудников о пребывании на Урале // Наука. Человек. Общество. Вестник Уральского отделения РАН. № 1, 2011. С. 87–102; Слуцкая Л. В. Французы на службе интересов Советской России: политический аспект сотрудничества // Вышэйшая школа. 2011. № 4. С. 45–49; Слуцкая Л. В. Деятельность Французской военной миссии в России (1916–1919 гг.) // Весці Нацыянальнай акадэміі Беларусі. 2013. № 3. С. 77–81.

10 Данилова О. С. Жюль Легра: новые штрихи к портрету (по материалам личного фонда) // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века. Москва, 2013. С. 26–49.

11 Ministère des Affaires étrangères (AMAE). Centre des Archives diplomatiques de La Courneuve. Série Guerre 1914–1918, Russie. Dossiers 681–682. Propagande française. *За предоставленный документ выражаю особую благодарность кандидату исторических наук, моей близкой подруге Даниловой Ольге Сергеевне.*

12 Legras J. Mémoires de Russie. Paris, 1921. P. 11.

13 Legras J. Mémoires de Russie. P. 23.

14 Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. 1916. Минск, 2003. С. 509–510.
15 Legras J. Mémoires de Russie. P. 24.
16 В. М. Драгомиров после начала войны возглавлял штаб 3-й армии под командованием генерала Н. В. Рузского, а в марте 1915 г. был назначен начальником штаба Юго-Западного фронта, сменив в этой должности генерала М. В. Алексеева – *прим. авт.*
17 Legras J. Mémoires de Russie. P. 25
18 Ibidem. P. 33.
19 Ibidem. P. 152–153.
20 Ibidem. P. 153.
21 Ibidem. P. 153–154.
22 Ibidem. P. 152.
23 Ibidem. P. 75.
24 Ibidem. P. 50.
25 Ibidem. P. 84.
26 Ibidem. P. 153
27 Ibidem.
28 Ibidem. P. 30
29 Ibidem. P. 31–32.
30 Ibidem. P. 159.
31 Ibidem. P. 31–32.
32 Ibidem. P. 82
33 Legras J. Mémoires de Russie. P. 159–160.
34 Данилова О. С. Пьер Паскаль – политический и духовный путь. По материалам французских архивов // Россия и Франция: XVIII–XX века. Москва, 2011. Вып 10. С. 221–242.
35 Паскаль П. Русский дневник: Во французской военной миссии (1916–1918). Екатеринбург, 2014. С. 24; См.: Pascal P. Mon journal de Russie: à la mission militaire française, 1916–1918. Lauzanne, 1975. P. 14.
36 О японской военной миссии // Правительственный вестник. 17 авг. 1916. С. 2; О сербской военной миссии // Правительственный вестник. 2 окт. 1916. С. 2.
37 Legras J. Mémoires de Russie. P. 17.
38 Белевская М. Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилеве. 1915–1918. Воспоминания. Проза. Гродно, 2001. С. 26.
39 Паскаль П. Русский дневник: Во французской военной миссии (1916–1918). Екатеринбург, 2014. С. 67
40 Там же. С. 130.
41 Там же. С. 132.
42 Там же. С. 161
43 См.: Там же, с. 132; 161. См.: Pascal, P. Mon journal de Russie. P. 97.
44 Там же. С. 132
45 Там же. С. 123.
46 Паскаль П. Русский дневник. С. 100.
47 Там же. С. 88–89.

[48] Pascal P. Mon journal de Russie: à la mission militaire française, 1916–1918. P. 111.
[49] Паскаль П. Русский дневник. С. 211.
[50] Там же. С. 246.
[51] Pascal P. Mon journal de Russie. P. 177.